

II. ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(47)»10»

В.Н. Ляхницкий

О КОНФЛИКТЕ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА С ЯРОСЛАВОМ

Причиной конфликта князя Владимира со своим сыном Ярославом в 1014 г. могло являться прекращение выпуска серебряного дирхема в мусульманских странах, в результате которого снизилось поступление монетного серебра на Русь.

Ключевые слова: князь Владимир, конфликт, серебряный кризис.

В княжеской междоусобице, столь характерной для Древней Руси, конфликт между Владимиром Святым и его сыном Ярославом стоит несколько обособленно. Враждовали между собой братья, зачастую имевшие разных матерей, дяди с племянниками и прочие родственники, но не сыновья с отцами. В этом отношении не повезло Владимиру – из повиновения вышли сразу два его отпрыска. Правда, о конфликте со Святополком мы узнаем только из хроники Титмара Мерзебургского, да и с самим Святополком не все ясно: то ли он сын, то ли племянник. А вот противостояние отца с родным сыном, каким, несомненно, являлся Ярослав, в хронологических рамках «Повести временных лет» единственное. Под 1014–15 гг. летопись сообщает, что «когда Ярослав был в Новгороде, давал он по условию в Киев две тысячи гривен от года до года, а тысячу раздавал в Новгороде дружине. И так давали все новгородские посадники, а Ярослав не давал этого в Киев отцу своему. И сказал Владимир: «Расчищайте пути и мостите мосты», ибо хотел идти войною на Ярослава, на сына своего ... но Бог не дал дьяволу радости. Владимир ... сильно разболелся; в этой болезни и умер июля в пятнадцатый день» [1. С. 39].

Долги не выплачивают по двум причинам: либо не хотят расставаться с деньгами, либо деньги отсутствуют. Отказ Ярослава от выполнения денежной повинности обычно рассматривают в контексте с дальнейшими, уже после смерти Владимира, его притязаниями на великокняжеский престол, т. е. фактически принимается первая версия. А можно задаться вопросом, хватало ли у Ярослава денежных средств для ежегодной выплаты Киеву? В качестве средства платежа на Руси в IX–X вв. использовался серебряный арабский дирхем, поступающий по Волжско-Балтийскому торговому пути. Один дирхем соответствовал одной куне, а гривна серебра, вес которой равнялся 68,22 г,

состояла из 25 кун [2. С. 204]. Ежегодный размер выплаты Новгорода киевскому князю составлял, таким образом, 50 тысяч дирхемов, или 136,4 кг серебра. Своих источников серебра на Руси в то время не было, и все потребности в серебряной монете удовлетворялись за счет ввоза извне, т. е. во внешней торговле дирхем выступал не только в качестве денег, но и как предмет импорта.

В начале XI в. начинается кризис восточного серебра: обращение серебряной монеты в мусульманских странах сменяется на обращение золота и меди. Ввоз дирхемов на территорию Руси прекращается. Позднейшая восточная серебряная монета, обнаруженная в русском монетном кладе, датируется, что очень символично, 1015 г. [2. С. 152]. Для сохранения притока серебряной монеты на прежнем уровне необходимо было искать иные источники. На территории Руси дирхем из денежного обращения стал вытесняться западноевропейским денарием. Этот процесс хорошо иллюстрируется соотношением дирхема и динария в кладах конца X – XI в. Из таблицы видно, что кризис арабского серебра начал сказываться на Руси уже в последние годы правления Владимира Святого.

В условиях кризиса восточного дирхема и переноса центра «валютных операций» в диаметрально противоположном направлении (с востока на запад) неизбежно было временное снижение ввоза серебра, что просматривается по данным нумизматики. Наиболее представительными являются результаты работ полувековой давности на Неревском раскопе в Новгороде, где установлено следующее распределение нумизматического материала в культурном слое [3. С. 129–131]: 28-й ярус (середина X века): в перекопе на уровне 28-го яруса найдена одна серебряная западноевропейская монета (к какому ярусу принадлежит перекоп установить не удалось); 27-й ярус (70–80-е гг. X в.): клад куфических монет в количестве 61 целой монеты и 810 обрезков серебряных дирхемов;

Таблица 1

Процентное соотношение восточных и западных монет в кладах конца X–XI в., по В.Л. Янину [2]

Место находки	Приблизительные годы захоронения клада	Процент монет	
		денариев	дирхемов
Старый Дедин	980	1,49	98,51
Рудки	990	1,55	98,45
Савково	1000	0,49	99,51
Коростово	1000	0,76	99,24
Новый двор	1000	74,93	25,07
Денисы	1015	1,30	98,70
Старая Ладога	1015	16,42	83,58
Молоди	1015	10,20	89,80
Крещеный Баран	1015	0,32	99,68
Васьково	1015	11,27	88,73
Еверсмуйже	1020	26,04	73,96
Поречье	1020	47,82	52,18
Стражевичи I	1040	76,81	23,19
Стражевичи II	1045	85,58	14,42
Собачьи Горбы	1050	18,23	81,77
Полоцк	1060	100,00	–
Смоленск	1065	100,00	–
Ширинич	1070	100,00	–
Лодейное Поле II	1070	99,83	0,17
Скадино	1075	98,68	1,32
Демшино	1090	95,95	4,05
Лодейное Поле I	1100	99,27	0,73

26-й ярус (последнее десятилетие X в.) и 25-й ярус (первая четверть XI в.): к 25 и 26 ярусам относится один саманидский дирхем; 24 ярус (вторая четверть XI в.) и 23-й ярус (середина XI в.): в 23 и 24 ярусах найдена одна серебряная западноевропейская монета и в 23-м ярусе – еще один серебряный денарий; 22-й ярус (60–70 гг. XI в.): здесь найдены: кошелек с шестью серебряными денариями, обрывок кошелька с тремя денариями и еще одна одиночная серебряная западноевропейская монета; 21-й ярус (70–80 гг. XI в.): монетных находок нет; 20-й ярус (конец XI в. – 10-е гг. XII в.): одна византийская монета.

На Троицком X раскопе клад, состоящий из 57 западноевропейских и 2 византийских серебряных монет, был обнаружен в 1993 г. [4. С. 151–153]. Авторы статьи при упоминании о находках за предшествующий период ссылаются на вышеприведенную работу Б. А. Колчина и сводку по западноевропейским монетам В.М. Потина за 1967 г. (в которой для Новгорода использованы те же материалы Б.А. Колчина). Все это позволяет сделать вывод, что в 60–80-е гг. прошлого века каких-либо других данных о находках западноевропейских монет при проведении археологических работ в Новгороде в опубликованной литературе не появлялось. Клад на Троицком X раскопе отнесен к 25-му ярусу, который по стратиграфии и дендрохронологии датируется 1025–1055 гг. [4. С. 152]. В Троицком XII раскопе восемь серебря-

ных западноевропейских монет, обнаруженные в 1999 г. [5. С. 3], найдены в напластованиях 30-х гг. XI – первой четверти XII в. [6. С. 679]. В Троицком XIII и XIV раскопах одна английская монета и два литых подражания ей, две бронзовые византийские монеты и один арабский дирхем обнаружены в слоях первой четверти – середины XII в. [7. С. 4].

Количество монет, найденных при археологических раскопках, должно находиться в прямой зависимости от их числа, утерянного населением, а последнее – от размеров денежной массы, находящейся в непосредственном обращении. Так как денарии практически отсутствуют в слоях древнее 1025 г., можно утверждать, что увеличение притока западноевропейских серебряных монет произошло не ранее второй четверти XI в. Материалы Неревского раскопа указывают также и на уменьшение поступления арабского дирхема в Великий Новгород в первой четверти XI в. О.И. Богуславским на материале погребальных комплексов юго-восточного Приладожья установлено, что основная масса арабского серебра поступила в регион в 920–950 гг., а позднее интенсивность притока дирхемов постоянно снижалась. Самая поздняя арабская монета в Приладожье имеет дату выпуска 1012 г. Для периода 980–1020 гг. монеты погребальных комплексов представлены в основном уже западноевропейскими денариями, но максимум притока западного серебра приходится на 1020–1070 гг. [8. С. 143–152].

Кроме уменьшения поступления монетного серебра в начале XI в., необходимо учитывать еще и тот факт, что князь имел в Новгороде ограниченные полномочия и не участвовал в сборе денежных доходов со всей Новгородской земли – это было преимущественное право новгородского боярства. Князю отдавали на кормление строго оговоренные территории. Археологические данные, полученные Новгородской экспедицией в 1998–1999 гг., позволили В.Л. Янину сделать вывод, что такой порядок существовал и до 1014 г., т. е. во времена Владимира Святого [8. С. 680]. Новгородцы, сами занимающиеся распределением доходов, вполне могли уменьшить выплаты в виде серебряной монеты, направленные на содержание своего князя. Естественно, что Ярослав не мог в первую очередь обслуживать киевские обязательства, а собственную дружину финансировать по остаточному принципу. Нехватка серебра у Ярослава подтверждается норвежской Сагой об Эймунде. Из сюжета саги следует, что Эймунд со своей дружиной нанимается на службу к Ярославу после смерти Владимира, но еще до начала княжеской междоусобицы Ярослава со своими братьями. При обсуждении условий найма выясняется, что Ярослав не в состоянии платить каждому воину по серебряной монете, а каждому рулевому на судне дополнительно по полмонеты. Эймунд предлагает вести расчет бобрами и соболями, на что князь сразу соглашается. Значит, средства у Ярослава

были, по крайней мере в виде ценной пушнины, которая в то время играла роль денежного эквивалента, но, видимо, Владимир, в отличие от Эймунда, предпочитал мехам звонкую монету.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Повесть временных лет* // Хрестоматия по истории России. М., 2004. С. 13–45.
2. Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956. 206 с.
3. Колчин Б.А. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 1: Материалы и исследования по археологии СССР № 55, 1956. С. 44–137.
4. Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Новгородский клад византийских и западноевропейских монет конца X – первой половины XI в. Древнейшие государства Восточной Европы. Новое в нумизматике, 1994 год. 1996. С. 151–160.
5. Янин В.Л., Хорошев А.С., Рыбина Е.А., Сорокин А.Н. Археологические исследования в Людином конце Великого Новгорода. Троицкий раскоп // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород. 2000. Вып. 14.
6. Янин В.Л. У истоков Новгородской государственности // Вестник российской академии наук. 2000. Т. 70, № 8. С. 675–680.
7. Янин В.Л., Хорошев А.С., Рыбина Е.А., Сорокин А.Н., Степанов А.М., Покровская Л.В. Работы в Людином конце Великого Новгорода (Троицкие XIII и XIV раскопы) // Новгород и Новгородская земля. Раздел I: Полевые исследования в Новгороде и Новгородской земле. Новгород. 2006. Вып. 14.
8. Богуславский О.И. Южное Приладожье в системе трансевазийских связей IX–XII вв. // Древности северо-запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб., 1993. С. 132–157.